

ФИЛОСОФИЯ КАНТА И НЕКОТОРЫЕ СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ СТРУКТУРЫ ОБЩЕСТВЕННОГО СОЗНАНИЯ

Канту принадлежит одна из наиболее плодотворных попыток расчленения общественного и индивидуального сознания на некоторые структурные образования, каждое из которых обладает своими специфическими особенностями и функциями. Речь идет о выделении Кантом теоретического и практического сознания в качестве самостоятельных и существенно отличающихся друг от друга идеальных образований, а также о разработке ряда важных предпосылок для понимания природы ценностей и особенностей ценностного сознания.

Еще в «Критике чистого разума» немецкий мыслитель сформулировал идею о трех важнейших функциях сознания. «Все интересы моего разума (и спекулятивные и практические),— писал он,— объединяются в следующих трех вопросах:

1. Что я могу знать?
2. Что я должен делать?
3. На что я могу надеяться?»¹

Первый вопрос Кант считал чисто спекулятивным, второй— чисто практическим, а третий— одновременно практическим и теоретическим².

Определенный ответ на первые два вопроса Кант дает соответственно в «Критике чистого разума» и в «Критике практического разума». Однако с ответом на третий вопрос дело обстоит сложнее. Непосредственным ответом на него следует, видимо, считать работу «Религия в пределах только разума», но в других «Критиках» Кант нащупывает иной вопрос или даже комплекс вопросов, которые не только в значительной мере включают в себя проблему надежды, но и содержат более широкий, теоретический подход. Это вопросы о месте человека в мире и об его ценностном отношении к последнему. В кантовских этических работах, и особенно в его «Критике способности суждения», сделан важный шаг в выяснении специфики ценностного сознания.

¹ Кант И. Соч., т. 3, с. 661.

² Там же, с. 661—662.

Таким образом, в философии Канта содержится гениальная догадка о трех обязательных сторонах общественного сознания: познавательной, практической и ценностной. Однако эта правильная мысль была погребена под характерным для кантианства субъективизмом и формализмом, которые привели к разрыву и противопоставлению друг другу указанных сторон сознания, а также к отрыву их от своей реальной практической основы, материальной деятельности людей.

Идеи Канта о структуре общественного и индивидуального сознания оказали, как известно, заметное влияние на буржуазную философию XIX и XX веков. Примером тому — различные аксиологические концепции от Лотце, Риккерта, Виндельбанда до современных буржуазных аксиологов. Все они так или иначе исходят из кантовского противопоставления теоретического и практического разума и признания примата последнего. При этом делается попытка выделить сферу ценностей в некую самостоятельную область, определяющую все другие.

В марксистской философии исследование структуры общественного сознания осуществлялось, исходя из принципиально иных методологических положений. На этой основе были выделены и изучены формы общественного сознания, раскрыто их конкретно-историческое, классовое содержание. Философы-марксисты проанализировали специфику различных сфер, уровней и состояний общественного сознания. Причем за последние годы были в основном преодолены крайности чисто гносеологического подхода, при котором функции сознания сводились к познанию. В работах по историческому материализму теперь, как правило, выделяют познавательную и идеологическую, гносеологическую и ценностную стороны, или функции общественного сознания¹. В связи с этим направлением исследования приобретают актуальность отдельные положения философии Канта. Освобожденные от субъективизма и метафизической односторонности, они могут сыграть роль одного из теоретических источников современной научной концепции структуры общественного сознания.

В настоящее время не приходится доказывать необходимость марксистского анализа проблемы ценностей, однако в имеющихся работах по данному вопросу основное внимание сосредотачивается на рассмотрении принципиальных, общеметодологических проблем, что объясняется теоретическими и идеологическими задачами, стоявшими перед авторами, при явно недостаточном внимании к выяс-

---

¹ Келле В. Ж., Ковальзон М. Я. Исторический материализм. М., 1969, с. 281; Фурман А. Е. Исторический материализм. М., 1970, с. 79; Хапсировов А. Я. Отражение и оценка. Горький, Волго-Вятское кн. изд-во, 1972; Каган М. С. Опыт системного анализа человеческой деятельности. — «Философские науки», 1970, № 5.

нению основных структурных особенностей ценностного сознания и к анализу его конкретных феноменов.

Для преодоления этого несоответствия в исследовании различных аспектов проблемы ценностей немалое значение имеет критическое освоение теоретического наследия Канта. Проиллюстрируем это на примере такого ценностного явления, как уважение, которое было глубоко проанализировано немецким мыслителем.

Кант прямо связывает уважение с ценностью, это — «представление о ценности», «определение ценности»¹. При этом подчеркивается, что уважение есть чувство особого рода, которое существенно отличается от человеческих чувств, основанных на склонности или страхе. «Уважение — это дань, которую мы не можем не отдавать заслуге, хотим ли мы этого или нет...»² Кант подчеркивает социальную природу уважения³ и его направленность на моральный закон и людей, следующих последнему. Причем уважение к моральному закону, уважение к долгу рассматривается им как единственное подлинное моральное чувство⁴.

Конечно, дело не обошлось без утверждений об априорном характере уважения и абсолютизации его отличия от чувств, имеющих природную основу. Далее Кант замыкает уважение лишь в моральной сфере. Тем не менее немецкий мыслитель сумел правильно раскрыть социально-ценностную природу уважения. Он обосновал, что уважение является как бы тройное социальным чувством: оно присуще только людям; оно распространяется только на общественные явления (моральный закон и люди); в человеке вызывают уважение лишь те его мысли и поступки, в которых проявляется действие морального закона и которые, следовательно, свидетельствуют о высокой социальности данной личности.

Учитывая идеи Канта, можно сказать, что уважение — это чувство ценности, это — признание ценности, веса, значимости объекта по отношению к субъекту уважения и обязанностей последнего по отношению к тому, кого или что он уважает. Отдельный человек, социальная группа, какое-то общественное установление становятся объектами уважения потому, что являются носителями определенной ценности, обладают каким-то достоинством. Подобный подход позволяет поставить уважение в один ряд с такими явлениями ценностного сознания и ценностными отношениями, как любовь, забота, требовательность, доверие и др.

Существует, однако, ряд феноменов, которые не могут быть, строго говоря, отнесены ни к познавательной, ни к ценностной стороне общественного сознания. Это всевозможные правила манипу-

¹ Кант И. Соч., т. 4(1), с. 237 (сноски), 240.

² Там же, с. 402—403.

³ «Уважение всегда питают только к людям и никогда не питают к вещам» (см. там же, с. 402).

⁴ Там же, с. 400, 412.

лирования вещами, а также правила поведения в обществе, социальные нормы и императивы. Данные явления, предписывающие, что нужно делать для того, чтобы достигнуть определенной цели, могут быть объединены под общим названием практического сознания, которое, по нашему мнению, может рассматриваться как третья сторона (аспект) общественного сознания наряду с познавательной и ценностной его сторонами.

Разделение сознания (разума) на теоретическое и практическое имеет многовековую историю. Идеалистическое трактование практики, отрыв от нее теории, противопоставление друг другу различных сторон сознания — все эти пороки, проявившиеся в философии Канта, особенно наглядно выступают в современной буржуазной философии. Но в кантовской трактовке практического сознания есть и рациональные моменты.

Заслуга Канта, с нашей точки зрения, состоит не только в том, что он обосновал правомерность выделения практического сознания в качестве специфического духовного образования, но и обратил внимание на наличие различных структурных уровней этого сознания, которые выполняют далеко не одинаковую социальную роль. Еще до создания своих основных этических работ, в «Критике чистого разума» Кант сформулировал различие между практическим и нравственным законами и, соответственно, между практическим сознанием, основанным на мотиве блаженства, личного счастья, и моральным сознанием, которое в дальнейшем трактуется им как чистый практический разум¹.

Позднее, в «Основах метафизики нравственности» осуществляется разделение императивов на гипотетические и категорические. Первые говорят лишь, что поступок хорош для какой-нибудь возможной или действительной цели, вторые признают поступок сам по себе объективно необходимым, без какой-либо другой цели. Кант различает два вида гипотетических императивов: технические (относящиеся к умению, правила умения) и прагматические (относящиеся к благу, к движению личного счастья; советы благоразумия). Он противопоставляет им категорические, моральные, нравственные императивы, императивы долга², а точнее — один категорический императив: поступай только согласно такой максиме, руководствуясь которой ты в то же время можешь пожелать, чтобы она стала всеобщим законом.

О формальном характере кантовского категорического императива написано и сказано немало. Заслуживает критики и резкое противопоставление друг другу гипотетических и категорических императивов, а также сведение всех видов общезначимых, категорических императивов лишь к одному моральному. Но, критикуя кантовскую

¹ См.: Кант И. Соч., т. 3, с. 662.

² См.: Кант И. Соч., т. 4(1), с. 252—260.

этику, не следует забывать о ее позитивном содержании, достойном развитии. Такое содержание есть и в кантовской идее о разграничении технических, прагматических и моральных императивов.

Действительно, если проанализировать всю совокупность выработанных человечеством правил, норм, императивов, то их можно расчленить на три больших класса: 1) основанные на повседневном опыте людей и на научных знаниях технические или технологические правила манипулирования вещами с целью удовлетворения каких-то человеческих потребностей; 2) правила и императивы личного и узкогруппового (семейного, например) благополучия, которые могут быть названы прагматическими, утилитарными, или, если угодно, утилитарно-прагматическими императивами¹; 3) правила и императивы, направленные на достижение блага больших социальных групп, классов, общества в целом; последние могут быть названы общепрактическими императивами. Моральные императивы, безусловно, занимают среди них почетное место, но не исчерпывают их. Ведь в классовом обществе общезначимое, общепольное выражается также, например, в принципах политического действия и в нормах права. Сказанное дает основание говорить о наличии в практическом сознании общепрактических и частнопрактических правил поведения и действия (последние, в свою очередь, расчленяются на технологические и прагматические правила).

Разумеется, марксистская трактовка практического сознания должна быть основана на широко понимании практики как всей материальной деятельности людей, на признании практического характера всего человеческого сознания и единства всех его сторон (единства, которое складывается также на основе практики).

Только исходя из указанных положений, можно говорить о познавательном (гносеологическом, теоретическом), ценностном и практическом сознании как о трех основных сторонах, аспектах общественного сознания, выражающих три его важнейшие социальные функции².

Функцией познавательного, или теоретического, сознания является раскрытие объективных свойств вещей, постижение сущности объектов. Ценностное сознание охватывает цели и идеалы, программы поведения отдельных личностей и социальных групп. Его задача — ориентирование человеческой деятельности и, в связи с этим, оценка объектов с точки зрения человеческих потребностей и интересов, выделение в них того, что нужно людям. И, наконец, практическое сознание — это сфера норм, императивов, правил челове-

¹ Проведенный автором анализ содержания пословиц и поговорок показал, что многие из них являются правилами достижения успеха в личной деятельности, советами благоразумия и благополучия, т. е. имеют явный прагматический характер.

² Эти три стороны сознания могут быть кратко обозначены следующим образом: знание, ценность, императив.

ской деятельности, указывающих людям, что и как нужно делать. Названные стороны общественного сознания позволяют субъекту (личности или группе) получить ответ на три основных вопроса, возникающих при воздействии на какой-то объект: «Что это такое?», «Какова его ценность для субъекта?», «Что нужно делать по отношению к данному объекту?».

Необходимо подчеркнуть, что обособление трех указанных сторон общественного сознания допустимо лишь в интересах теоретического их исследования. В реальной же действительности они теснейшим образом взаимосвязаны и взаимодействуют на основе практики. Правда, в разных феноменах сознания могут преобладать либо познавательная, либо ценностная стороны, которые, сочетаясь с практическим сознанием (наличие последнего обязательно), образуют познавательно-практические или ценностно-практические виды сознания. К первым относятся знания о природе в сочетании с технологическими правилами, ко вторым — идеалы, ценностные ориентации в сочетании с правилами социального поведения. В целом же основной линией отражения практической деятельности в сознании людей и их обратного воздействия на практику может быть представлена так: практика → знание → императив → практика.

Предложенный подход позволяет не только глубже понять функции и структуру общественного сознания в целом, но и сделать некоторые уточнения, имеющие более частный характер. Так, при анализе обыденного сознания, являющегося эмпирическим, несистематизированным отражением непосредственного бытия людей, в нем необходимо выделять наряду с эмпирическими знаниями о явлениях природы и общества также: 1) основанные на повседневном опыте, передающиеся из поколения в поколение технологические правила; 2) ценности и императивы личного и узкогруппового благополучия, которые могут быть объединены под общим названием прагматического сознания.

Учет трехчленной структуры общественного сознания позволяет глубже проанализировать и теоретическое, систематизированное сознание. Ясно, что в различных видах идеологии, в различных науках познавательная, ценностная и практическая стороны представлены по-разному и играют неодинаковую роль. Но тем не менее все три указанных аспекта имеются налицо. Между тем последнее обстоятельство учитывается далеко не всегда. В этом легко убедиться, обратившись к соответствующей научной и учебной литературе по историческому материализму. Так, например, наука нередко сводится лишь к знаниям, в то время как ей присущи и ценностная, и нормативно-практическая, технологическая стороны, не сводимые только к знанию. Ценностная сторона занимает особенно большое место в общественных науках, выполняющих в классовом обществе идеологические функции, а в так называемых прикладных науках ведущее место принадлежит практической стороне, обоснованию и

формулированию точных технологических правил пользования машинами и механизмами, обработки земли, различных материалов и так далее.

Недооценка практической стороны часто имеется и при характеристике таких идеологических форм, как политическое, религиозное, эстетическое сознание. И, наоборот, характеризуя мораль и правосознание, многие авторы переоценивают в них роль практической стороны при недооценке роли знаний и ценностей. Порой эти формы сознания чуть ли не целиком сводятся к нормам и правилам поведения. Правда, за последнее время в марксистской этике немало сделано для преодоления подобного одностороннего подхода к морали, для раскрытия ее ценностной и познавательной функций. Определенные позитивные сдвиги в этом плане можно обнаружить и в литературе по историческому материализму. Например, в новом учебнике «Основы марксистско-ленинской философии» мораль определяется как система. Положительным моментом этой дефиниции является фиксация познавательной, ценностной и практической стороны морали.

Таким образом, идеи Канта о структуре общественного сознания, очищенные от субъективно-идеалистической трактовки и элементов метафизики, приобретают весьма актуальное значение для решения важных проблем исторического материализма, связанных с уточнением структуры общественного сознания и более глубоким анализом отдельных его элементов.